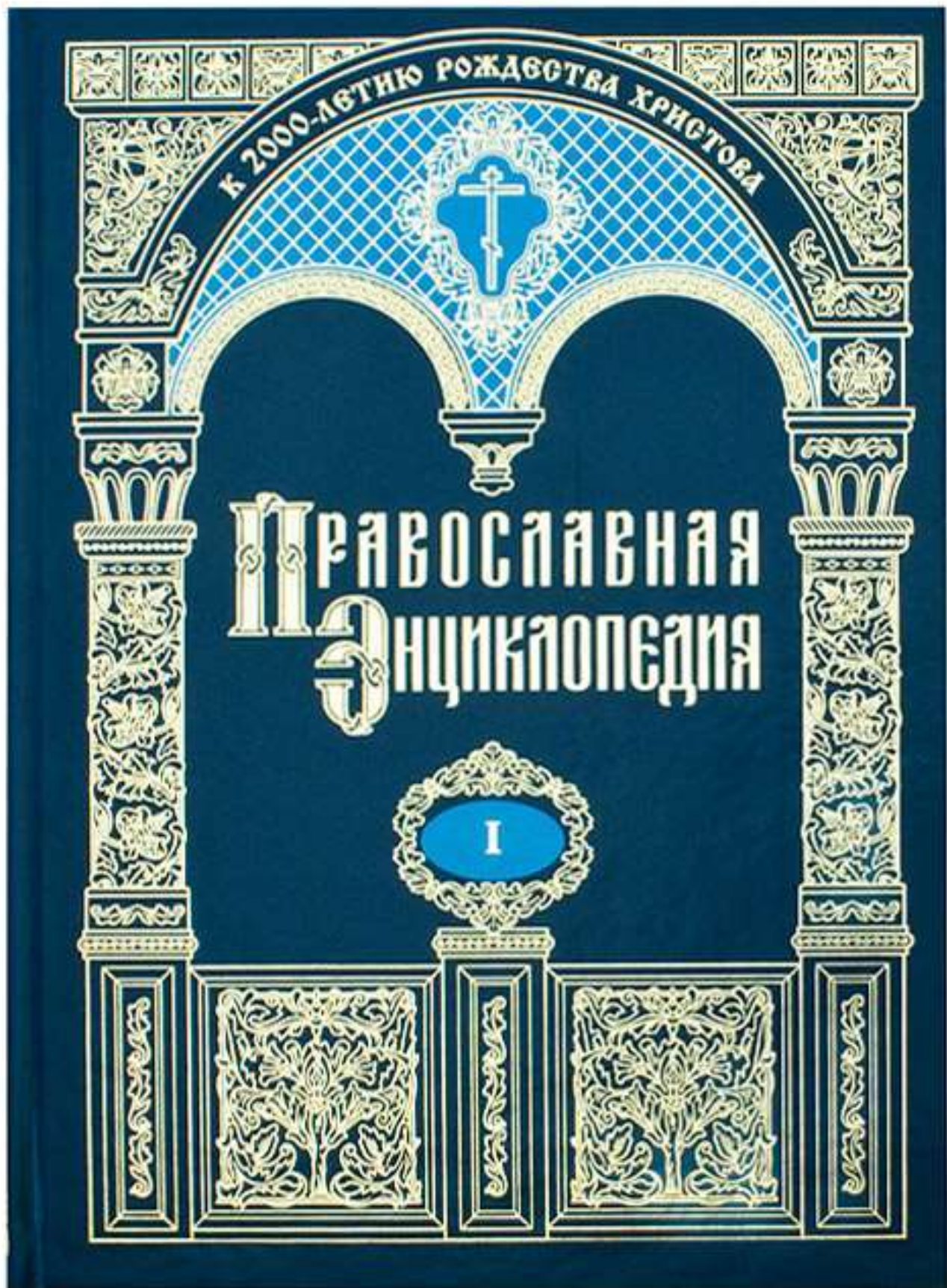

TEZAU LITURGIC
12 FEBRUARIE

SF. IERARH
ALEXIE,
MITROPOLITUL
MOSCOVEI
ȘI ÎNTREGII RUSII

ENCICLOPEDIA ORTODOXĂ-01
MOSCOVA, 2000

Добро пожаловать в один из самых полных сводов знаний по Православию и истории религии
Энциклопедия издается по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II
и по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Как приобрести тома "Православной энциклопедии"

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21
22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39
40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56
57 58 59 60 61 62

Т. 1, С. 637-648

АЛЕКСИЙ

свт. (кон. лета - осень 1304?, Москва - 12.02.1378),
свт. (пам. 12 февр., 20 мая - обретение мощей, 5
окт.- пяти святителей Московских, в Соборе
Владимирских святых и в Соборе Московских
святых и в Соборе Самарских святых), митр. всея
Руси, гос. деятель, дипломат. Род. в семье боярина
Федора Бяконта и его жены Марии, выходцев из
Чернигова. Семейство буд. Первосвятителя занимало
замечное место среди московского боярства кон.
XIII-XIV в. Боярами были его младшие братья -
Феофан (Фофан), родоначальник Фофановых (при
вел. князьях Иоанне Иоанновиче Красном и
св. Димитрии Иоанновиче Донском), и Александр
Плещей, родоначальник Плещеевых (при вел. кн.
Димитрии Иоанновиче). Ранние летописные

источники (Рогожский летописец и Симеоновская летопись, отражающие Московский свод 1409 г.) называют А. в Крещении Симеоном, а житие, написанное в 1459 г. *Пахомием Логофетом*, и позднейшие летописи - Елевферием (разговорная форма Олфер (Алфер) начальной буквой соответствует монашескому имени); в нек-рых списках XVII в. Никоновской летописи приводятся оба имени вместе. Не исключено, что источники отражают существование у А. т. н. прямого имени (соответствующего святому, память к-рого приходится на день рождения) и крестильного (ситуация, хорошо известная на примере двойных христ. княжеских имен). Близкое соседство имен Елевферий и Симеон наблюдается в святцах дважды: *Симеон*, юродивый Палестинский, пам. 21 июля, и мч. *Елевферий*, пам. 4 авг.; *Симеон*, сродник Господень, пам. 18 сент., и *Елевферий*, умученный с Дионисием Ареопагитом, пам. 3 окт.; первые 2 памяти присутствуют и в самых кратких вариантах месяцеслова, известных в XIV в. Указания на дату рождения даже в древнейшем рассказе свода 1409 г. весьма противоречивы. В достаточно подробных хронологических выкладках, на основании к-рых годом рождения считается 1293-й («в черньци пострижеса 20-ти лет, а в чернечестве поживе 40-те лет, а в митрополиты поставлен бысть 60-те лет, а пребысть в митрополитех 24 лета. И бысть всех дней жития его 85 лет».- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 123-124), надежна только продолжительность пребывания во главе митрополии. В то же время

указание на 40 лет монашеской жизни могло появиться в результате неверного осмысления сообщения, что А. «пребыть в чернечестве даже и до 40-ть лет» (Там же. Стб. 121), в к-ром речь идет скорее не о продолжительности иноческого подвига, а о приблизительном возрасте при назначении А. владычным наместником. Предпочтение при определении времени рождения следует отдать упоминанию современных А. исторических лиц и событий, не согласующихся с датой 1293 г.: «В княжение великое тферьское Михайлово Ярославича, при митрополите Максиме, до убиения Акинфова» (т. е. до похода на Переяславль зимой 1304/05 тверского боярина Акинфа Великого.- Там же). Важное свидетельство рассказа, что А. «старее сый князя великого Семена (род. в 1317.- А. Т.) 17 лет» (Там же), относящее рождение святителя к 1300 г., не может быть безоговорочно принято, т. к. здесь возможна описка (ошибка внутреннего диктанта) в записи числа под влиянием звучания имени («Семена» - «семьнадесять» вместо «тринадесять»). Если считать годом рождения А. 1300-й, то в качестве великого князя должен был быть упомянут Андрей Александрович Городецкий, а не Михаил Ярославич (хотя последний вернулся из Орды с ярлыком на великое княжение осенью 1305, т. е. после убиения Акинфова, позднейший биограф А. мог исчислять начало нового правления от даты смерти кн. Андрея - 27 июля 1304). Крестным отцом А. был княжич Иоанн Данилович (буд. Калита). Согласно житию,

выучившись грамоте в раннем возрасте, А. уже в отрочестве начал мечтать о монашеской жизни, после того как однажды, уснув на ловле птиц силками, услышал голос, называвший его монашеским именем и предвещавший, что А. станет «ловцом человеков». В возрасте ок. 20 лет А. принял постриг в одном из московских мон-рей. По свидетельству жития прп. [Сергия Радонежского](#), это был [Богоявленский мон-рь](#) в Загородье (совр. Китайгород), где А. жил вместе со старшим братом прп. Сергия [Стефаном](#); однако, по др. достоверным источникам, связь святителя и его рода с этой обителью не прослеживается.

Примерно до 40 лет А. вел монашескую жизнь. О большей части этого периода известно лишь, что А. «всяко благоизволение иноческого жития исправле и всяко писание Ветхого и Нового закона проиде». Несомненно, в это время он продолжал сохранять связи с великокняжеским двором. По инициативе вел. кн. [Симеона Иоанновича Гордого](#) (принимая во внимание свидетельство летописного рассказа, не ранее 1344) А. был назначен наместником престарелого [митр. Феогноста](#) и переселился на митрополичье подворье. Возможно, в период наместничества он выучил греч. язык. Митр. Феогност еще при жизни благословил А. «в свое место митрополитом», 6 дек. 1352 г. А. был рукоположен во епископа Владимирского. Тем самым на короткое время была восстановлена Владимирская епископия, упраздненная в 1299 г. в связи с переселением Киевских митрополитов во Владимир; после

возведения А. в сан митрополита кафедра вновь была ликвидирована. В К-поль было направлено посольство от вел. кн. Симеона Иоанновича и митр. Феогноста для получения согласия Патриарха на утверждение кандидатуры А. Уже в это время роль А. в гос. делах Великого княжества Московского была весьма велика - согласно духовной грамоте вел. кн. Симеона († 26 апр. 1353), буд. митрополит оставался советником его младших братьев - князей Ивана и Андрея. (Впрочем, эти пожелания осуществились, вероятно, не в полной мере, т. к. Иван, уцелевший в отличие от Андрея во время эпидемии чумы, находился под сильным влиянием своих бояр, и в первую очередь шурина - тысяцкого Василия Вельяминова.)

После возвращения в Москву посольства, заручившегося согласием Патриарха *Филофея*, А. отправился в К-поль. По дороге он получил в Орде проезжую грамоту (ярлык) от Тайдулы, жены хана Джанибека: грамотой свита, обоз и имущество святителя защищались от всех возможных посягательств, «коли к Царьграду пойдет». В столице Византии А. провел ок. года. Настольная грамота Патриарха Филофея новому митрополиту датируется 30 июня 1354 г., согласно ей, А., не будучи греком, возводился в сан митрополита в виде исключения, за его добродетельную жизнь и духовные достоинства. Для помощи в управлении епархией ему придавался в качестве экзарха диак. Георгий Пердика, к-рый, вероятно, недолго исполнял эти обязанности (возможно, до янв. 1359, когда А. отправился в

Литву), т. к. уже в 1361 г. он вновь действовал в К-поле. Той же грамотой по просьбе А. Владимир был утвержден в качестве местопребывания Русских митрополитов с сохранением за ними Киева в качестве первого престола.

Выдвижение и одобрение К-польским Патриархом преемника митр. Феогноста при жизни последнего были вызваны стремлением сохранить единство митрополии и ограничить вмешательство в дела Церкви неправосл. светских правителей, поскольку к тому времени территория Киевской митрополии в политическом отношении была подвластна помимо рус. князей частично польск. королям-католикам и язычникам - вел. князьям литовским. С кон. XIII в. периодически повторялись попытки (по разным причинам непродолжительные, но отражавшие общую тенденцию) создания отдельных митрополий на юго-западнорус. землях (см. [Галицкая митрополия](#), [Литовская митрополия](#)),

первоначально по инициативе правосл. галицко-волинских князей, позднее - польск. королей и вел. князей литовских. Особенно эти попытки усилились при вел. кн. [Ольгерде](#), подчинившем большинство зап. и юго-западнорус. земель и претендовавшем на господство над всеми рус. княжествами. Этим планам препятствовало существование неподконтрольной ему Церкви, глава к-рой с кон. XIII в. находился в Великом княжестве Владимирском. Ольгерду нужен был особый митрополит для собственных владений либо

Всероссийский, но подчиняющийся великому князю литовскому.

Еще при жизни митр. Феогноста, в кон. 1352 г., в К-поле появился инок Феодорит с ложным сообщением о смерти Главы Русской Церкви, Феодорит добивался своего поставления на якобы вакантную митрополичью кафедру. Неизвестно достоверно, был ли он ставленником Ольгерда или же его брата - правосл. волинского кн. Любарта. Самозванец не получил поставления в столице Византии и в нарушение канонических правил был возведен в митрополичий сан Болгарским

Патриархом Феодосием в Тырнове. Несмотря на неканоничность поставления, Феодорит был принят в Киеве, еще не входившем в ВКЛ, и его власть был склонен признать Новгородский архиеп. Моисей, недовольный политикой митр. Феогноста и вел. кн. Симеона. В адресованном Новгородскому владыке Патриаршем послании 1354 г. предписывалось подчиняться законно поставленному митрополиту - А., а не Феодориту.

Уже во время пребывания А. в К-поле туда прибыл тверской инок Роман, к-рому покровительствовал Ольгерд, для поставления в митрополиты для литов. владений. По свидетельству Рогожского летописца, Роман уже ранее получил поставление от Болгарского Патриарха, подобно Феодориту (ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61), но не был принят в Киеве. Вероятно, сменивший Патриарха Филофея (1353-1354, 1364-1376) Каллист (1350-1353, 1355-1363; смена Патриархов была вызвана междоусобной

войной в Византии) поставил Романа в 1355 г. на восстановленную Литовскую митрополию (существовала ок. 1317 - ок. 1330) с кафедрой в Новогрудке, включавшую в себя Полоцкую и Туровскую епархии и епархии Малой Руси (земли бывш. Галицко-Волынского княжества). Остальная часть митрополии вместе с Киевом сохранялась за А. вместе с титулом «митрополита всея Руси». Однако Роман сразу же нарушил определенные ему пределы, направив своих послов в Тверь к еп. Феодору (одновременно послов к нему отправил и А.). Вернувшись на Русь, А. поставил епископов: Игнатия в Ростов, Василия в Рязань, Феофилакта в Смоленск и Иоанна в Сарай. Но уже через год после возвращения - осенью 1355 г. - он отправился вновь в К-поль (куда еще раньше прибыл его соперник Роман) решать вопрос о правомочности раздела митрополии. По словам летописца, «тамо межи ими бысть спор велик и гръцем дары от них великы». Результатом явилось подтверждение со стороны Патриарха прежних условий, и А. зимой 1355/56 г. вернулся на Русь. На обратном пути он попал в бурю на Черном м. и дал обет в случае спасения основать мон-рь. По этому обету был создан Андроников мон-рь в честь Нерукотворного образа Спасителя в Москве.

В авг. 1357 г. по приглашению ханши Тайдулы А. ездил в Орду и исцелил ее от глазной болезни. Сохранился ярлык, данный в нояб. этого года Тайдулой А., традиц. по содержанию: согласно ярлыку Русская Церковь, молящаяся за ханов,

освобождается от всех даней, поборов и насилий со стороны светских властей. По позднему преданию (не получившему подтверждения при археологических раскопках), кроме ярлыка в благодарность за исцеление Тайдулы А. получил также земельный участок в *Московском Кремле*, занятый ордынским подворьем (или ханскими конюшнями). В Кремле в 1365 г. А. заложил каменный храм во имя Чуда арх. Михаила в Хонех и основал при нем *Чудов мон-рь*. Согласно житию, А. вел в Орде в присутствии хана прение о вере. Во время пребывания А. в Орде здесь началась междоусобица («замятня»), вызванная болезнью хана Джанибека и его убийством, но митрополит благополучно вернулся на Русь.

Отношения между Всероссийским и Литовским митрополитами продолжали оставаться напряженными. Опираясь на военные успехи Ольгерда, подчинившего своей власти к кон. 50-х гг. XIV в. Брянское княжество, ряд смоленских уделов и Киев, Роман, в нарушение условий поставления на митрополию, распространил свою власть на Брянск и первопрестольный центр митрополии (с нач. 50-х гг. XIV в. Смоленск и Брянск были вассалами великого князя владимирского). В янв. 1359 г., во время смоленско-московско-литов. военных действий, А. отправился в Киев (вероятно, чтобы заручиться поддержкой южнорус. князей), но был захвачен Ольгердом, ограблен и заточен; самая его жизнь находилась в опасности. Однако А. удалось бежать, и в 1360 г. он вернулся в Москву. В том же

году, вновь нарушая условия, митр. Роман прибыл в Тверь. В 1361 г. по жалобам А. Патриарх Каллист разбирал вопрос о границах Киевской и Литовской митрополий, подтвердив условия 1354 г.

За время отсутствия А. в Москве умер вел. кн. Иоанн Иоаннович, и А. оказался фактически одним из регентов при малолетнем Димитрии (род. в 1350). В этих условиях в первую половину правления вел. кн. Димитрия Иоанновича роль А., бывшая значительной уже в годы «тихого и кроткого» Иоанна Иоанновича, еще более возросла (хотя до смерти в 1365 княгини-матери традиционно сильным оставалось влияние ее брата - московского тысяцкого). Ярлык на великое княжение владимирское получил суздальский кн. *Дмитрий Константинович*, и юный московский князь временно лишился многих территориальных приобретений - «купели» своего деда Ивана Калиты. Возможностью нового подъема Московское княжество и его династия во многом обязаны А., связавшему с ними судьбу митрополии и использовавшему в их интересах свой авторитет Первосвященника. Это был глубоко осознанный выбор, сделанный задолго до регентства при кн. Димитрии Иоанновиче.

Церковная политика Ольгерда не давала А. возможности компромисса, позиции невмешательства в борьбе между 2 соперничавшими политическими центрами - Москвой и Литвой, даже если оставить в стороне московские корни и связи А.

Великому князю литовскому нужно было не сотрудничество с правосл. Церковью, а ее подчинение его политическим планам. Язычник, стоящий во главе гос-ва, подавляющее большинство населения к-рого составляли православные, женатый дважды на рус. княжнах и связанный брачными союзами с правосл. князьями, Ольгерд не мог, разумеется, игнорировать существование Церкви, но смотрел на нее гл. обр. как на вспомогательный инструмент своей внешней и внутренней политики. Обязательным условием своего обращения в Православие и Крещения языческой Литвы в переговорах со Вселенским Патриархом он ставил создание особой подвластной ему митрополии. Такая митрополия за годы его правления создавалась дважды (в 1355 и 1375), однако ответного шага за этим не последовало - сам Ольгерд крестился, по преданию, только на смертном одре (а по свидетельству нем. источников, умер язычником). Поэтому, по всей видимости, А. даже не колебался в своем выборе между упорным огнепоклонником и правосл. московскими князьями, чьи предки в свое время оказали существенную поддержку св. митр. Петру в трудную для него минуту.

Периоды сравнительно мирных отношений между Ольгердом и А. были нечасты и непродолжительны. Наиболее значительный из них пришелся на 1363-1368 гг., когда после смерти митр. Романа (1362) А. ездил в Литву и, очевидно, достиг там какого-то соглашения с великим князем, в результате чего поставил епископа в Брянск. Затем, следующим

летом, А. крестил в Твери дочь Ольгерда, привезенную из Литвы ее бабкой, вдовой тверского кн. *Александра Михайловича* Анастасией.

Противостоянию Великого княжества Владимирского экспансии Литвы на восток и захвату литов. великими князьями рус. земель препятствовало отсутствие среди рус. князей политического единства. На владимирский великий стол наряду с московскими Даниловичами в кон. 50-х - 60-х гг. XIV в. претендовал суздальский кн. Дмитрий Константинович (в 1359-1362 даже занимавший его реально), а в 1371-1374 и в 1375 гг. - кн. *Михаил Александрович Тверской*.

Первоочередной задачей А. как руководителя московской политики являлось установление равновесия сил в регионе при главенстве Москвы и по возможности восстановление политического и церковного влияния в Смоленске и Брянске, достигнутого вел. кн. Симеоном Иоанновичем и утраченного с утерей его малолетним племянником владимирского стола. Опора на авторитет митрополита всея Руси позволяла в это время вел. кн. Димитрию Иоанновичу игнорировать ярлыки на великое княжение, выдававшиеся его соперникам в раздираемой усобицами Орде часто сменявшимися ханами и претендентами на сарайский трон, и отстаивать свои интересы силой оружия.

Одновременно с той же целью А. стремился не допустить возобладания пролитовских сил в тех севернорус. княжествах, где они имелись (семейство кн. Александра Михайловича в Твери, зять Ольгерда

Борис Константинович кн. Городецкий в Нижегородском княжестве), выступая в качестве верховного арбитра во внутридинастических распрях. При верности интересам Москвы его политика была в этих вопросах весьма взвешенной и не носила характера грубой и неприкрытой поддержки «своих» против «чужих». Даже тверское летописание (Рогожский летописец), сохранившее наибольшее число известий о деятельности А. и настроенное по отношению к нему не слишком дружелюбно, лишь однажды, в связи с насильственным задержанием в 1368 г. в Москве кн. Михаила Александровича (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87), содержит прямое обвинение в адрес святителя (при этом следует иметь в виду, что для того времени подобное насильственное задержание было весьма мягкой формой давления на тверского князя с целью подписания мирного договора на московских условиях). Во всех известных по источникам спорных ситуациях А. выступает как поборник освященной временем традиции. В конфликте 1357 г. между вел. кн. тверским Василием Михайловичем и его племянниками, детьми казненного в Орде Александра Михайловича, А. взял сторону старшего в роде (и союзного Москве) князя против Всеволода Александровича, претендовавшего на тверской стол. В 1363 г., после смерти нижегородского кн. Андрея Константиновича, митрополит поддержал недавнего соперника Москвы суздальского кн. Дмитрия в его противоборстве с младшим братом Борисом, захватившим в обход прав старшего Н. Новгород. По

приказу митрополита его посланцы - игум. Герасим и архим. Павел, прибывшие в город для вызова князя на митрополичий суд, «церкви затвориша». В споре из-за наследства удельного тверского (городокского) кн. Семена Константиновича между братом покойного, клинским кн. Еремеем, и вел. кн. Михаилом Александровичем (к-рому удел был завещан) в 1365 г. митрополит поддержал ближайшего родственника; спор послужил причиной войны между Москвой и Тверью.

Многолетнее фактическое руководство А. внешней политикой Великого княжества Московского при князьях Иоанне Иоанновиче и Димитрии Иоанновиче придавало московско-литов. соперничеству осязаемый характер религ. противостояния христиан и язычников, и Первосвященник умело использовал сложившуюся ситуацию в интересах правосл. Церкви и гос. ядра буд. России, оказывая воздействие на рус. князей - вассалов и союзников Ольгерда. Когда в кон. 60-х гг. XIV в. смоленский кн. Святослав и ряд др. князей нарушили крестное целование, данное вел. кн. Димитрию Иоанновичу о союзе против Ольгерда, и перешли на сторону Литвы, А. за выступление в союзе с язычниками против христиан отлучил их от Церкви, отлучен был и традиц. союзник Литвы тверской кн. Михаил Александрович, а также поддерживавший его Тверской еп. Василий. Эти действия А. получили понимание и поддержку Патриарха Филофея, к-рый в грамоте 1370 г. предлагал отлученным князьям покаяться и

присоединиться к Димитрию (*Макарий*. История РЦ. Кн. 3. С. 426-428). Однако позднее Ольгерд перехватил инициативу и в послании к Патриарху (отразившемуся в Патриаршей грамоте 1371) обвинил митрополита в том, что тот «благословляет москвичей на пролитие крови» и освобождает от присяги литов. подданных, переходящих на сторону москвичей. Еще более опасным со стороны литов. князя было лицемерное обвинение А. в том, что он не занимается делами зап. части митрополии (хотя виноват в этом был в первую очередь сам Ольгерд), на основании чего выдвигалось требование создать вновь отдельную митрополию для Литвы и ее союзников («на Киев, на Смоленск, на Тверь, на Малую Россию, на Новосиль, на Нижний Новгород».- РИБ. Т. 6. Прил. 24. Стб. 139-140). В грамоте, посланной в авг. 1371 г., Патриарх Филофей потребовал от А. снять отлучение с тверского князя и приехать в К-поль для судебного разбирательства по вопросу о западнорус. пастве, оставленной без пастырского поучения и надзора. Позднее вызов на суд был отменен, но Патриарх настойчиво советовал святителю добиваться примирения с Ольгердом для беспрепятственного окормления западнорус. паствы. А. в свою очередь заявлял, что был вынужден защищаться, поскольку великий князь литовский хотел «приобрести себе власть и в Великой Руси». Позже Ольгерд выдвинул требование постоянного пребывания митрополита в Киеве (т. е. в литов. части митрополии). В связи с этим участились поездки Патриарших послов в Литву и к А.: в 1371 г.

в Москву приезжал Иоанн Докиан, а в 1374 г.- болгарин Киприан (впосл. митр. Московский). В результате во многом из-за позиции Ольгерда единство митрополии в это время сохранить не удалось. Еще в 1371 г. Патриарх Филофей, чтобы предотвратить обращение в католичество правосл. населения областей, подвластных Польше, восстановил Галицкую митрополию, а в 1375 г., уступая давлению Ольгерда, поставил на митрополию Малой России и на Киев Киприана, назначив его наследником А. на митрополичьем столе всея Руси. Объяснение этих действий было изложено Патриархом в грамоте, доставленной в Москву в нач. 1377 г. послами Иоанном Докианом и Георгием Пердикой, но здесь они не были приняты, и Киприан в качестве преемника А. не получил признания. За А. в это время на территории Литвы продолжал оставаться лишь Брянск, куда он ок. 1375 г. поставил еп. Григория.

В качестве церковного и гос. деятеля А. стоял у истоков успешной борьбы Великого княжества Московского против ордынского ига. Лояльно относясь к верховной власти мусульм. правителей, он в то же время последовательно проводил политику, направленную на создание союза рус. княжеств, могущего противостоять заметно ослабевшей во 2-й пол. XIV в. Орде. Впервые такой союз, включивший в себя и отдаленный Новгород, был испытан в совместном походе рус. князей на Тверь в 1375 г.; после заключения мирного договора с Москвой и признания главенства вел. кн.

Димитрия Иоанновича к нему присоединилось и Тверское княжество. О значительной роли А. в общерус. политической жизни свидетельствует возникновение с его времени практики скрепления митрополичьей печатью межгос. соглашений (договор 1 сент. Москвы и Новгорода с побежденной Тверью). Выступал он и гарантом межкняжеских отношений московского правящего дома. По благословению А. в 1365 г. был заключен договор между князьями московского дома Димитрием Иоанновичем и Владимиром Андреевичем. В то же время из указанного договора следует, что решающую роль в определении политики московских князей играло боярство. В 1372 г. А. скрепил своей печатью предъявленное ему первое завещание кн. Димитрия, предусматривавшее разделение земель и власти после женитьбы кн. Владимира на дочери литов. вел. кн. Ольгерда. Между 1372 и 1378 гг. по ходатайству А. Димитрий Иоаннович передал Владимиру Андреевичу Лужу и Боровск.

Почти за четверть века возглавления Русской Церкви А. поставил 21 епископа (полный перечень см.: ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 123), причем на нек-рые кафедры дважды, а на Смоленскую - трижды. В бытность митрополитом А. всемерно способствовал распространению и упрочению на Руси общежительного монашества. С его именем связано создание и возобновление ряда обителей в Москве и в Митрополичьей области. Кроме Спасо-Андроникова (ок. 1360), Чудова (ок. 1365)

и Симонова (между 1375 и 1377) мон-рей по его благословению (согласно преданию, записанному в 1-й пол. XVII в.) в 1360-1362 гг. был основан Введенский Владычный в Серпухове мон-рь (Рожественский В. А. Историческое описание Серпуховского Владычного общежитийного девичьего монастыря. М., 1866. С. 116; Клосс. С. 38, 40-41), возобновлены древние, но пришедшие в упадок Цареконстантиновский под Владимиром и нижегородский Благовещенский. Монастырское предание приписывает ему также создание Алексиевского девичьего мон-ря в Москве для своих сестер (ок. 1358), хотя это мнение разделяется далеко не всеми исследователями (ср.: Ушакова Е. Краткий исторический очерк Алексеевского монастыря. М., 1877. С. 7-9; Макарий. История РЦ. Кн. 3. С. 119; Баталов. С. 28, 323). Относительно 3 последних мон-рей нельзя исключить позднего возникновения преданий, имевших целью возвысить значение обители, связав их историю с прославленным Московским святителем. По существу открытым остается вопрос о богослужебном уставе общежительных мон-рей в это время, поскольку наиболее ранние дошедшие рус. списки Иерусалимского устава датируются лишь самым концом XIV в.

При А. продолжало распространяться почитание свт. Петра. Перед поездкой А. в Орду в 1357 г. в Успенском соборе в Москве у гроба митр. Петра «зажыглася свеча сама о себе» (ПСРЛ. Т. 25. С. 180; ср.: Т. 15. Вып. 1. Стб. 66); после молебна она была

раздроблена для благословения присутствующих. В праздник Успения Богородицы 1372 г., по свидетельству летописей, у гроба митр. Петра исцелился мальчик, немой и с парализованной рукой; А. велел звонить в колокола и служил молебен. Под конец жизни А. оказался перед проблемой назначения своего преемника. Очевидно, он, как и вел. кн. Димитрий Иоаннович, противился навязываемой извне кандидатуре Киприана, заблаговременно назначенного в К-поле, видя в этом победу Ольгерда и неудачу собственной церковной политики (что в тот момент соответствовало действительности, хотя позднее ситуация существенно изменилась). Вероятно, А. желал видеть своим преемником человека искушенного, подобно себе, в монашеской жизни. Идеальной фигурой в этом отношении был прп. Сергей Радонежский, и А. мог надеяться силой своего авторитета склонить вел. князя к согласию на эту кандидатуру. Однако преподобный отказался от предложения А.- согласно житию, из смирения, но, возможно, он не считал себя вправе оспаривать каноничность решения Вселенского Патриарха и относился к Киприану, с к-рым его связывали добрые личные отношения, как к человеку, вполне достойному возглавить Русскую Церковь после смерти А. (Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 120-121). В такой ситуации А., по всей видимости, вынужден был согласиться с кандидатурой

великокняжеского духовника и печатника Митяя, предложенной вел. кн. Дмитрием Иоанновичем, хотя и не одобрял поставления Первоиерарха из мирян, без продолжительного монашеского искуса. Об отрицательном отношении А. к великокняжескому кандидату сообщают источники, либо откровенно враждебные нареченному митр. Михаилу («Повесть о Митяе»), либо сравнительно поздние и испытывавшие на себе воздействие первых (житие прп. Сергия Радонежского). Показательно, что пострижение Митяя-Михаила совершил еще при жизни А. архимандрит его Чудова мон-ря Елисей Чечетка.

Перед смертью А. заповедал вел. кн. Дмитрию Иоанновичу погрести себя вне церкви, за алтарем собора в Чудове мон-ре. Скончался святитель «в заутреннюю годину» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 120-121), на отпевании присутствовало большое число народа, включая епископов, вел. кн. Дмитрия и кн. Владимира Андреевича Серпуховского и малолетних сыновей вел. князя - Василия I Димитриевича и Юрия Димитриевича. По настоянию вел. князя Первосвятителя погребли внутри храма, близ алтаря.

Письменное наследие

А. является автором Послания и грамоты на Червленый Яр, Поучения христианам нижегородских и городецких пределов и Устава о новых постах. Послание и грамота связаны со спором между Рязанским и Сарайским епископами о

епархиальной принадлежности Червленого (Черленого) Яра. Вопрос этот уже разбирался ранее митр. Феогностом и был решен в пользу Рязанского епископа, но при новом митрополите возник вновь. А. подтвердил решение своего предшественника, снабдив грамоту учительным посланием. *Евфимий Чудовский*, к-рый в кон. XVII в. видел в Рязани оригинал грамоты, привел в своей редакции жития А. греч. подпись святителя под нею. Поучение жителям нижегородских и городецких пределов написано, по всей вероятности, в связи с княжеской усобицей в этой земле в 1365 г. либо в связи с посещением А. Н. Новгорода в 1370 г. Оно известно в единственном списке рубежа XIV-XV вв. в дополнениях к Патерику поглавному (ГИМ. Чуд. № 18. Л. 165об.- 167). Устав (уставная грамота) о новых постах, датированный 18 февр. 1369 г. (мартовского 6876), известен в единственном белорус. списке посл. четв. XVI в. (БАН. Собр. еп. Павла (Доброхотова). № 18. Л. 205). В нем митрополит, по согласию с князьями Дмитрием Иоанновичем и Владимиром Андреевичем, устанавливает новые седмичные посты перед днями памяти вмч. Дмитрия Солунского (26 окт.), «осенним Юрьевым днем» (26 нояб.) и перед памятью святых князей Бориса и Глеба (24 июля). Дата выдачи уставной грамоты в сочетании с выбором святых мучеников (Димитрий Солунский - небесный покровитель вел. кн. Дмитрия Иоанновича, вмч. Георгий наряду со святыми Борисом и Глебом традиционно считался покровителем рус. князей) заставляет предполагать

связь учреждения новых постов с неудачным походом Ольгерда на Москву в нояб.- дек. 1368 г. и с надеждой на заступничество святых воинов-мучеников и в дальнейшем. Однако эти новые посты, установленные А., не вошли в практику Русской Церкви, возможно, отчасти это связано с общей тенденцией снижения интереса к наследию А. в 90-х гг. XIV в.- 20-х гг. XV в. и с тем, что при распространении в Русской Церкви в кон. XIV - 1-й пол. XV в. Иерусалимского устава Георгиевский пост был целиком поглощен более строгим для немонашествующих Рождественским (Филипповым) постом.

Открытым является вопрос об авторстве распространенного в рус. рукописной традиции XV-XVI вв. с именем А. «Поучения душеполезна... князем и бояром, всем правоверным христианом, христоименитым людем». В списках начиная со 2-й пол. XV в. (напр., в Ефросинове сборнике.- РНБ. Кир.-Бел. 6/1083 Л. 327об.- 336об.; РГАДА. РО МГАМИД. № 453. Л. 304-309об.), известных исследователям с XIX в., в заголовке стоит имя А., но в пергаменном сборнике 2-й пол. XIV в. (ГИМ. Увар. № 589-4° (Царск. № 361). Л. 64об.- 69об.), переписанном в ростовском Григорьевском затворе, текст приписан «митрополиту всея Руси», имя к-рого выскоблено и в XVII в. заменено на А. («Алексия святого»). Исторические реалии, к-рые позволяли бы отождествить автора поучения с конкретным святителем, в тексте отсутствуют. Исходя из датировки Уваровского списка можно предполагать,

что исходно в заглавии поучения стояло имя др. Русского митрополита XIV в. - нареченного Михаила (Митяя) или Пимена (имена Феогноста и Дионисия не было нужды заменять, а сочинения Западнорус. митрополитов Феодорита и Романа едва ли были известны в Ростове), лишь позднее замененное на прославленное и авторитетное имя святителя-чудотворца А. Менее вероятно, что др. имя было написано в заголовке Уваровского списка по ошибке и при сверке его с др. списками в XVII в. оно было исправлено на А. Учитывая тесную связь с Григорьевским затвором свт. Стефана, еп. Пермского, поставленного во епископа митр. Пименом, наиболее вероятна атрибуция текста последнему, однако вопрос нуждается в дополнительном изучении.

В оригинале (дефектном) и в копии XVII в. сохранилась духовная грамота А., в к-рой святитель завещает Чудову мон-рю ряд принадлежавших ему родовых сел и свой «подолней садец», поручив обитель попечению вел. кн. Димитрия Иоанновича (оригинал и копия грамоты воспроизведены фототипически в приложении к изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Труд святителя Алексия, митр. Московского и всея Руси; Фототип. изд. Леонтия, митр. Московского. М., 1892).

С XVII в., со времени Епифания Славинецкого, с именем А. принято связывать создание особой редакции перевода на слав. язык НЗ (см. Чудовский Новый Чудовский Завет), выполненного несомненно в

К-поле не позднее кон. XIV в. Хотя к наст. времени исследователи не считают этот кодекс автографом А. и отказались от его датировки 1355 г., временем второй поездки святителя в К-поль (судя по снимкам, кодекс, пропавший в 1918 г., написан несколькими почерками, явно более молодыми, чем сер. XIV в., - скорее ближе к концу столетия), в филологической лит-ре высказывается гипотеза о существовании в окружении митрополита (возможно, в Чудовом мон-ре) группы переводчиков, связанных с К-полем и переведших помимо НЗ также «Устав Божественной литургии» (*«Диатаксис»*) Патриарха Филофея, Служебник и Триоди, подготавливавших, т. о., переход богослужения Русской Церкви (первоначально, вероятно, *в общежительных мон-рях*, прямо или косвенно связанных с А.) со *Студийского* на Иерусалимский устав. Списки этих переводов не получили в рукописной традиции XIV-XV вв. широкого распространения (дошедшие связаны с б-ками *Троице-Сергиева* и Чудова мон-рей) и были достаточно быстро вытеснены из обращения святогорскими переводами XIV в., пришедшими на Русь в эпоху *«второго южнославянского влияния»* кон. XIV - 1-й пол. XV в. В XVII в. Чудовский список НЗ использовался Епифанием Славинецким и его сотрудниками как авторитетнейший в *книжной справе*, традиция эта сохранялась и при подготовке позднейших изданий слав. НЗ.

Почитание

А. Местное почитание А. началось, вероятно, вскоре после его кончины, еще при жизни вел. кн. Димитрия Иоанновича. Свидетельством этому служит шитый воздух 1389 г. кнг. Марии, вдовы вел. кн. Симеона Иоанновича Гордого, из коллекции П. И. Щукина (ГИМ. Ирб), изображающий Нерукотворный Образ Спасителя с предстоящими, в числе к-рых 4 Русских митрополита - Максим, Петр, Феогност и А. (*Маясова Н. А.. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 10-11. Илл. 5*). Помещение А. среди предстоящих Спасителю несомненно отражает и личное отношение заказчицы к недавно усопшему святителю, тесно связанному в течение длительного времени с ее покойным мужем. Позднее следы почитания А. надолго прерываются (во всяком случае явно не прослеживаются). Возможно, отчасти это объясняется продолжительным (1390-1406) пребыванием на митрополичьей кафедре Киприана (чьи прижизненные отношения с А. имели характер соперничества), а также брачным союзом вел. кн. Василия I Дмитриевича, женатого на Софии, дочери вел. кн. литовского Витовта. При этом митр. Киприан воздавал должное церковным и гос. заслугам А. Вероятно, в его окружении (или даже лично) вскоре после кончины А. (по мнению Г. М. *Прохорова*, между 1379 и 1382) была написана краткая повесть «О Алексии митрополите», составляющая вместе с «Повестью о Митяе» своеобразный лит. диптих, изображающий достойного (А.) и недостойного (Михаил-Митяй)

архипастырей. Повести были включены в летописный свод 1409 г., к-рый отразился в пергаменной Троицкой летописи, сторевшей в 1812 г., Рогожском летописце и Симеоновской летописи. Мощи А. были открыты в 1431 или 1438 г. при ремонте Благовещенского придела собора Чудова мон-ря, где находилась гробница святителя. Косвенная дата, сообщаемая рассказом об открытии мощей (60 лет после смерти, т. е. 1438), не согласуется с именем митрополита, при к-ром произошло событие (в повести называется Фотий, умерший в 1431, тогда как в 1438 Главой Русской Церкви был Исидор). Учитывая, что точная дата кончины А. (год, месяц, число и день недели) была надежно зафиксирована летописью, более вероятно предполагать, что автор повести об открытии мощей, созданной в окружении св. митр. Ионы, не желал связывать обретение мощей великого Московского святителя с именем митрополита-униата. Из-за продолжительной уособицы князей московского дома прославление А. задержалось еще на десятилетие. В 1448 г. митр. Иона установил празднование успения и обретения мощей А. После этого почитание А. (первоначально в границах Великого княжества Московского) получило самое широкое распространение. Наряду с митр. Петром (и позднее свт. Ионой) А. стал олицетворением Русской Церкви (митрополичья кафедра начала официально именоваться «престолом Московских чудотворцев») и Московского гос-ва. Уже в «проклятой» грамоте кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки вел. кн. Василию II

Васильевичу нач. 1448 г. А. фигурирует среди рус. святых - гарантов крестного целования вместе с митр. Петром, свт. Леонтием, еп. Ростовским и прп. Сергием Радонежским (ПСРЛ. Т. 25. С. 269). Начиная с 1472 г. (похода вел. кн. Иоанна III на Новгород) обычаем становится моление московских правителей у гробниц святителей (в т. ч. А.) перед военными походами. Между 1483 (закладка трапезной ц. во имя А. в Чудовом мон-ре) и 1503 гг. (строительство собора) мощи святителя были перенесены в новую трапезную церковь. В 1501 г. по повелению вел. кн. Иоанна III в Чудовом мон-ре был заложен новый собор на месте разобранного старого, построенного еще самим А.; освящен в 1503 г. В нояб. 1518 - июне 1519 г. у раки А. совершился ряд отмеченных летописью чудесных исцелений больных различными недугами (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 31-33). В 1522 г., во время прихода под Москву крымского войска хана Мехмед-Гирея, А. вместе с др. Российскими чудотворцами явился жителям города в видении крестного хода с чудотворной Владимирской иконой Божией Матери, знаменуя заступничество от вражеского нашествия.

В XVI в., когда дважды (в княжение Василия III и в царствование Феодора Иоанновича) остро вставал вопрос о рождении наследника престола, А. начал почитаться и как покровитель и заступник правящей династии московских Рюриковичей. Вел. кн. Василий III во время своего второго брака обращался к святителям-чудотворцам с молитвой о чадородии. После рождения в 1530 г. наследника престола (буд.

царя [Иоанна IV](#)) по обету были изготовлены новые драгоценные раки для мощей святителей Петра (золотая) и А. (серебряная, с позолоченным изображением на крышке). Работа была начата в янв. 1532 г., после смерти Василия III в 1533 г. она приостановилась и была завершена уже при малолетнем Иоанне IV в февр. 1535 г. 11 февр. митр. Московский [Даниил](#) торжественно переложил мощи А. в новую раку. Перед смертью Василий III поручил сына попечению чудотворцев Петра и А. («дал... сына на руки»). В страшный московский пожар 1547 г., когда Чудов мон-рь выгорел целиком (только иноков и монастырских служителей «по погребом и палатам» сгорело 26 человек), мощи А. чудесным образом не пострадали. При царе Иоанне IV представление об А. как покровителе державы и династии еще более усилилось. У гробницы А. были крещены царевичи Иоанн Иоаннович (1554) и Феодор Иоаннович (1557). Ранее Крещение великокняжеских детей совершалось в Успенском соборе, у раки митр. Петра.

В 1596/97 (7105) г. для мощей А. начали сооружать по повелению царя Феодора Иоанновича новую серебряную раку. Работа продлилась неск. лет и завершилась уже в царствование [Бориса Феодоровича Годунова](#), когда ок. 1600 г. мощи святителя были торжественно переложены в новую гробницу. Эта рака, подобно др. драгоценным гробницам Москвы, была хищнически уничтожена польск. интервентами и их приспешниками в 1612 г. Новая, взамен утраченной, была сооружена в

царствование Михаила Феодоровича. Она просуществовала значительно дольше своих предшественниц - до 1812 г., когда была варварски превращена в металлолом солдатами наполеоновской армии (см. Отечественная война 1812 г.). В 1596 г., практически одновременно с сооружением раки, был установлен совместный праздник 3 святителям Московским: Петру, А. и Ионе.

При раке А. в Чудовом мон-ре хранились принадлежавшие ему, по преданию, облачения (саккос, епитрахиль и подризник) и посох. К выносному образу А. в Чудовом мон-ре был привешен золотой перстень - по преданию, подарок исцеленной ханши Тайдулы. В 1722 г., будучи в Москве, имп. Петр I распорядился снять его и передать в Синодальную ризницу (ПСПиР. СПб., 1872. Т. 2. 1722 г. № 509. С. 156), где позднее он был заменен медным и исчез. В Оружейной

палате хранится др. медный перстень с печаткой из прозрачного камня или стекла с изображением животного, к-рый, по описям Патриаршей ризницы XVII-XVIII вв., значится как дар А. хана Джанибека (Орешников. С. 171-186), однако, несмотря на несомненную древность изделия, его материал в сочетании с саном дарителя и одаренного вызывает сомнение в достоверности предания. До 1722 г. в Чудовом мон-ре богомольцам продавался «чудотворцев мед», служивший целительным средством от болезней и от порчи (Лавров А. С. Колдовство и религия в России, 1700-1740 гг. М., 2000. С. 414-415). 28 февр. 1722 г. был издан имп.

указ, вскоре напечатанный, запрещающий эту продажу (ПСПиР. СПб., 1872. Т. 2. 1722 г. № 445. С. 90). После уничтожения в 1929 г. всего комплекса построек Чудова мон-ря мощи А. находились в музеях Московского Кремля. В 1947 г. по просьбе Святейшего Патриарха *Алексия I (Симанского)* они были переданы РПЦ и помещены в Патриаршем *Богоявленском соборе в Елохове*, где находятся до наст. времени.

Жития А. разных редакций и службы ему сохранились в огромном числе списков XV-XIX вв., с трудом поддающихся учету (наиболее полные, хотя и не исчерпывающие сведения об их рукописной традиции содержит картотека Н. К. *Никольского* в БАН), и в изданиях начиная с XVII в. Древнейшим житийным текстом, посвященным А., является летописная повесть «О Алексее митрополите». Текст повести изобилует хронологическими выкладками, относящимися к разным периодам жизни А., не во всем, однако, достоверными и не согласующимися с упомянутыми в том же тексте историческими реалиями. В связи с открытием мощей А. чудовским архим. *Питиримом* (позднее еп. Пермский) было написано новое житие, до нашего времени не дошедшее (либо не выявленное), известное по упоминанию у Пахомия Логофета. Питирим написал также службу на обретение мощей святителя. Ок. 1450 г. по поручению митр. Ионы Пахомий Логофет написал службу, повесть об открытии мощей, а в 1459 г.- и пространное житие, в основу к-рого легли летописная повесть и житие, написанное

Питиримом, литературно обработанные в стиле «*плетения словес*». Позднее житие, написанное Пахомием, неоднократно подвергалось обработкам, в т. ч., вероятно, и авторским. После исцеления в янв. 1462 г. у гробницы А. сухоногого инок митр. *Феодосий* написал посвященную этому чуду повесть, соединенную с похвальным словом, включенную в Софийскую II (ПСРА. Т. 6. С. 325-330) и Львовскую (ПСРА. Т. 20. С. 271-276) летописи (известна и в отдельных списках.- Вильнюс. БАН Литвы. ф. 19. № 76. Л. 89об.- 95; № 102. Л. 44об.- 48об.). При создании в окружении митр. Даниила в 1526-1530 гг. Никоновской летописи была составлена новая редакция жития, соединяющая выписки из первоначальной и Пахомиевой редакций (ПСРА. Т. 11. С. 29-35). Ок. 1566 г. была составлена новая, 4-я редакция жития для *Степенной книги*, соединяющая в себе тексты предшествующих редакций, свидетельства летописных записей и жития прп. Сергия Радонежского (ПСРА. Т. 21. Ч. 2. С. 346-386).

С учреждением в 1596 г. праздника 3 святителям Московским им была создана общая служба. Один из канонов написан неизвестным, второй - кн. С. И. *Шаховским*, к-рый является также автором похвального слова митрополитам Петру, А. и Ионе (*Макарий*. История РЦ. Кн. 6. С. 394, 523); позднее он же сочинил и особый акафист А. При *Патриархе Адриане*, между 1686 и 1697 гг., была создана самая пространная редакция жития А., по всей вероятности Евфимием Чудовским (ГИМ. Син. №

596, рубеж XVII-XVIII вв.). Кроме предшествующих редакций жития автор пользовался также летописными свидетельствами и документальными источниками - грамотами и ярлыками. Практически одновременно во 2-м томе «Книги житий святых» свт. *Димитрия (Туптало)*, митр. Ростовского (Киев, 1695) появилась др. (независимая от Евфимиевой) обработка жития. В рукописной традиции бытуют и отдельные сюжеты (чудеса, повести), посвященные А. В летописце XVII в. сохранился рассказ о чуде, сотворенном святителем во время поездки в Орду в 1357 г.: за царским столом ему поднесли блюдо с кобыльей головой, к-рая по молитве святого превратилась в щучью. Пораженный случившимся хан (названный в летописи Бердибеком) дал обет не совершать походов на Русь (*Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По мат-лам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 74). Известны и устные предания о чудесах святителя (*Петухов Е.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 140-141).

Со 2-й пол. XV в. житие и служба А. регулярно помещаются в сборниках и в Минеях, в памятях «новым чудотворцам»; начиная с Великих *Миней Четых* митр. Московского *Макария* житие А. и сказание об открытии мощей входят во все новые комплекты этого календарного собрания житий XVI-XVII вв. (Чудовские, Милютинские и Тулуповские Минеи Четьи). С первого издания (М., 1641) краткое житие святителя постоянно публиковалось в составе

Пролога, отдельное издание службы А. впервые вышло в Москве в 1760 г. Почитание А. уже в XV в. носило общерус. характер, включая и епархии Западнорус. митрополии, где признавались общерус. святые, жившие до разделения митрополии в сер. XV в., даже если канонизированы они были позднее (возможно, что здесь почитание не было повсеместным, ограничиваясь крупнейшими монастырями и епархиальными центрами). Вскоре после канонизации А. (1448) Стишной Пролог московского происхождения, дополненный житиями рус. святых (возможно, Пахомием Логофетом), и в т. ч. житием А. и повестью об открытии его мощей, получил известность в Литовской Руси (старший список сентябрьской половины - ГИМ. Увар., 56-10, посл. треть XV в.; мартовской - Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 100. 1496 г.) и на укр. землях Польского королевства (сентябрьская половина - РГБ. Егор., № 214, 1518 г., Перемышльская епархия). Известен западнорус. сборник нач. XVI в. русских по преимуществу житий, восходящий к кодексу, написанному в окружении митр. Феодосия (повторяет многолетие этому святителю, читавшееся в оригинале), он содержит краткое Пахомиево житие А. и повесть о чуде при гробнице А., написанную митр. Феодосием (Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 102. Л. 38об.- 48об.). Вероятно, через посредство этого кодекса оба памятника попали в трехтомный минейный Торжественник особой редакции, составленный в 1-й пол. XVI в. в *Супрасльском монастыре* (Там же. Ф. 19. № 76. Л. 80об.- 95). Меньше

известно о распространении в западнорус. традиции служб А. Можно полагать, что они переписывались не в составе полных комплектов Минеи служебных, а в Минеях праздничных (РГАДА. РО МГАМИД. № 626. Октоих и Минея праздничная. Л. 298б-300а, 12 февр., посл. четв. XV в.). «Припела» А. включены в нотный сборник («Ирмологию»), переписанный в 1598-1601 гг. в Супрасльском мон-ре (Киев. ЦНБ НАНУ. I 5391). В 1604 г. кн. К. Острожский прислал в дар Московскому Патриарху св. Иову хрустальный воздвизальный крест, украшенный литыми золотыми изображениями Российских святителей, в т. ч. А. Однако сам выбор помещенных на драгоценном кресте святых продиктован, как кажется, скорее задачей момента и саном получателя (кн. Острожский предлагал Патриарху проект ликвидации Брестской унии и восстановления единства Русской Церкви), чем традицией иконного почитания А. в Зап. Руси (Турилов А. А. К истории проектов ликвидации Брестской унии (неизв. послание князя К. К. Острожского Патриарху Иову) // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3. С. 128-140). В XVII-XVIII вв. особо почтительное отношение к А. не только в правосл., но и в униатских кругах Речи Посполитой объясняется в значительной мере тем, что с его именем (или по крайней мере со временем его архипастырства) связывалась канонизация наиболее прославленных местных святых - виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (Огицкий Д. П. К истории виленских

мучеников // БТ. 1984. Сб. 25. С. 231-232). В целом, несмотря на существование значительного числа специальных работ, агиографические и гимнографические сочинения, посвященные А., исследованы далеко не в полной мере.

История посвящения А. церковных престолов остается практически не изученной. До XVII в. такие посвящения не часты и ограничиваются преимущественно Москвой, Подмосковьем и Новгородом. Древнейшая каменная ц. в честь А. (трапезная) была заложена в 1483 г. в Чудовом мон-ре буд. новгородским архиепископом архим. Геннадием; это положило начало традиции посвящения А. трапезных храмов. Впосл. церковь неоднократно перестраивалась и была разрушена вместе с др. монастырскими постройками в 1929 г. Ок. 1513 г. храм, «иже под колоколы», в честь А. был возведен итал. мастерами в великокняжеской резиденции в Александровой слободе (перестроен во времена царя Иоанна IV, сохранился в составе Распятской ц.-колокольни). В Новгороде в 1538-1539 гг. архиеп. Макарием в Юрьеве мон-ре была построена трапезная ц. в честь А., отличавшаяся огромными размерами - 17 на 12 сажен. По словам Павла Алеппского, она превосходила «все трапезные в... монастырях своею красотою, обширными размерами и радостным видом». Эта постройка была разобрана за ветхостью в 1761 г., но сохранилось ее схематическое изображение на иконе «Видение пономаря Тарасия» 1574-1583 гг. Вероятно, в 1540 г. был устроен придел в честь А. при ц.

Анастасии Великомученицы, возведенной в камне тем же архиепископом в Новгородском кремле-детинце. Трапезная ц. А. сооружена была в 60-70-х гг. XVI в. в Солотчинском мон-ре под Рязанью. В царствование Феодора Иоанновича в московском в честь Зачатия св. Анны мон-ре был возведен храм Рождества Богородицы с приделом в честь А. Еще более редки посвящения храмов 3 святителям Московским - митрополитам Петру, А. и Ионе. Первая церковь в их честь была возведена Патриархом Иовом в Московском Кремле на Патриаршем дворе в связи с учреждением соответствующего праздника в 1596 г. В старопечатном рус. Типиконе (М., 1610) под 12 февр. указывается бденная служба (см. Знаки праздников месяцеслова) А., совершаемая в том случае, когда этот день не приходится на Великий пост; под 20 мая в этом же Типиконе указана бденная служба на обретение мощей А. Принятый ныне в РПЦ Типикон под 12 февр. указывает бденную службу А., если этот день не приходится на Великий пост, в противном случае Типикон указывает петь полиелейную службу; под 20 мая в Типиконе помещено противоречивое указание - на полях стоит знак славословной службы, но в тексте предписано совершать по всем храмам полиелей, а в Чудовом мон-ре (в наст. время разрушенном) и кремлевском Успенском соборе - бдение. В Минее (МП) и под 12 февр., и под 20 мая помещены бденные службы. Кроме указанных служб имя А. упоминается в бденной службе в честь святителей

Московских (5 окт.) в Минее (МП). Типикон 1610 г. указывает петь 5 окт. бденную службу, современный Типикон - славословную.

Соч.: Грамота митрополита Алексия на Червлёный Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам о подсудимости их Рязанскому епископу // АИ. Т. 1. № 3. С. 3-4; ПДРКП. Ч. 1. № 19. Стб. 167-172;

Поучение Алексия митрополита от Апостольских деяний к христолюбивым христианом // ПрТСО.

1847. Ч. 5. С. 30-39; Невоструев К. Вновь открытое поучительное послание святого Алексия,

митрополита Московского и всея России // ДЧ.

1861. Ч. 1. С. 449-467; Леонид [Кавелин], архим. Село

Черкизово // Моск. вед. 1882. 17 июня. № 166. С.

4; Холмогоровы В. и Г. Радонежская десятина

(Московского уезда) // ЧОИДР. 1886. Кн. 1. С. 30.

Примеч. 2; Слово преосвященного Алексия

митрополита // Макарий. История РЦ. Кн. 3. С. 543-544. Комментар. 160.

Ист.: ПСРА. Т. 6. С. 325-330; Т. 11. С. 29-35; Т. 12. С.

253, 257; Т. 13. Ч. 1. С. 31-33, 39-40, 84, 91-92, 153,

239, 283; Т. 15. Вып. 1. Стб. 61, 66, 74-76, 81, 84, 87,

100, 105, 110, 111, 120, 121, 123-124, 126; Т. 20. С.

271-276; Т. 21. Ч. 2. С. 346-386; Т. 25. С. 180, 269,

277, 287, 330; Т. 29. С. 16-17; Т. 34. С. 200; Житие

митрополита всея Руси святого Алексия,

составленное Пахомием Логофетом // ЧОЛДП. СПб.,

1877-1878. Т. 4. № 1-2; Службы и акафист иже во

святых отцу нашему Алексию митрополиту, всея

России чудотворцу. М., 1891; Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Труд святителя Алексия, митр. Московского и всея Руси. М., 1892; Шляков Н. Житие св. Алексия, митрополита Московского, в пахомиевской редакции // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. 19. Кн. 3. С. 85-152; Настольная грамота Патриарха Филофея Алексию от 30 июня 1354 г. // РИБ. Т. 6. Прил. № 9. Стб. 41-52; Грамота Патриарха Филофея к свт. Алексию с призывом помириться с князем // Там же. Прил. № 28; Грамота к вел. кн. тверскому Михаилу с призывом помириться с митр. Алексием // Там же. Прил. 29; Соборное определение Патриарха Нила о незаконности поставления Киприана митр. Киевским // Там же. Прил. 30; Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Сербя: (Старшая ред. Жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 242-257; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1979. С. 216-218; Ярлык Алексия от Тайдулы // РФА. М., 1987. Вып. 3. С. 593. № 9.

Лит.: [Горский А. В.]. Святый Алексей, митр. Киевский и всея России // ПрТСО. 1848. Ч. 6. С. 89-128; Каменский А. Святитель Алексей // Странник. 1894. Авг. С. 421-444; Сент. С. 1-25; Окт. С. 197-211; Нояб. С. 405-421; Дек. С. 601-618; Муретов М. Д. Церковно-практическое и научно-богословское значение славянского перевода Нового Завета в

труде святителя Алексия, митрополита Киево-
 Московского и Всероссийского // БВ. 1897. Нояб. С.
 177-199; Дек. С. 375-414; Соколов Пл. Русский
 архиерей из Византии и право его назначения до
 начала XV в. К., 1913. С. 318-466; Лихачев Н. П. Два
 митрополита // Сб. ст. в честь Д. Ф. Кобеко. СПб.,
 1913. С. 1-8; Орешников А. Перстень св. Алексея
 митрополита // СК. 1928. Т. 2. С. 171-
 186; Карташев. Очерки. Т. 1. С. 307-
 323; Семенченко Г. В. духовная грамота
 митрополита Алексея: (К изучению истории раннего
 завещательного акта Северо-Восточной Руси) //
 Источниковедческие исследования по истории
 феодальной России. М., 1981; Флоря Б. Н. Борьба
 московских князей за смоленские и черниговские
 земли во 2-й пол. XIV в. // Проблемы исторической
 географии в России. М., 1982. Вып. 1; Кучкин В. А.
 Формирование государственной территории Северо-
 Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 242-
 256; Прохоров Г. М. Алексей (Алексий), митр. всея
 Руси // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 25-34; он же. Житие
 Алексея митрополита // Там же. С. 243-
 245; Мейендорф И. Ф., прот. Византия и Московская
 Русь: Очерки по истории церк. и культурных связей
 XIV в. П., 1990; Пентковский А. М. Из истории
 литургических преобразований в Русской Церкви в
 третьей четверти XIV в. // Символ. 1993. № 29. С.
 217-238; Петров Д. А. Утраченные памятники
 архитектуры XVI в. в новгородских монастырях //
 Новгородские древности. М., 1993. (Архив
 архитектуры; Вып. 4). С. 186-192; Баталов А. Л.

Московское каменное зодчество конца XVI в. М., 1996; Шевченко И. И. Некоторые замечания о политике Константинопольского Патриархата по отношению к Восточной Европе в XIV в. // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6; Макарий. История РЦ. Кн. 3; Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 38-48; Кучкин В. А. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М., 1998; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 199-217; Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 191-195; Петров Д. А. Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999. С. 57; Афанасьева Т. И. Литургия преждеосвященных Даров в славянской рукописной традиции XII-XV вв.: (Лингвотекстол. анализ): АКД. СПб., 2000. С. 10, 18-19.

А. А. Турилов

Иконография

А. традиционно изображается в святительских одеждах: в белом клобуке (иногда с образом Серафима), саккосе (с орнаментом в виде крестов в кругах), омофоре и, как правило, с Евангелием в руке. Часто А. представлен рядом со свт. Петром, митр. Московским. Вместе они упомянуты в Сийском иконописном подлиннике 2-й пол. XVII в.: «Святители Московские Петр и Алексий - один с благословляющею десницею, другой с молитвенною;

оба - старцы с книгами, в саккосах, омофорах и белых клобуках. Петр подобием сед, брада шире и короче Сергия, чудотворца Радонежского, риза сак зелен, кресты сини, омофор и Евангелие, на главе клобук бел, испод бакан. Алексей подобием сед, брада шире и доле Василия Кесарийского, на конце уже, риза сак бакан, кресты, омофор и Евангелие, на главе клобук бел» (Покровский. С. 216). Кроме цвета одежд важное отличие в изображении святителей - форма бороды: длинная, узкая на конце у А. и короткая, широкая у свт. Петра.

В иконографии А. выделяются неск. изводов.

Наиболее ранними являются изображения святителя в *deuſuce*. Существуют 2 варианта: А. с поднятыми в молении руками - на воздухе «Спас Нерукотворный с предстоящими» (ГИМ, 1389), выполненном за неск. десятилетий до канонизации (А. представлен в полный рост вместе с Московскими святителями Петром, Максимом и Феогностом), на пелене «Богоматерь Неопалимая Купина и избранные святые» кон. XV - нач. XVI в., происходящей из *Кириллова Белозерского мон-ря* (ГРМ). В др. варианте А. изображался с Евангелием в руках, напр., на иконе 2-й пол. XV в. (ВГИАХМЗ) - редкий образ святителя в митре, на иконе 80-х гг. XVI в. (СИХМ), на иконе кон. XVI - нач. XVII в. из иконостаса Смоленского собора *Новодевицкого мон-ря* в Москве (ГИМ).

Др. иконографический извод представляет А. изображенным фронтально, с благословляющей десницей и Евангелием в левой руке. Примером

могут служить шитые образы А. на пеленах «Избранные святые и праздники», 1499 г. (вклад вел. кнг. Софии Палеолог, СПГИАХМЗ); «Богоматерь Смоленская», 60-е гг. XV в. (ГММК); «Избранные святые», 1-я пол. XVI в. (ГИМ); «Явление Богоматери прп. Сергию Радонежскому, праздники и святые», 1525 г. (СПГИАХМЗ); покров «Святитель Алексей, митрополит Московский», кон. XVII в., происходящий из Чудова мон-ря (ГММК), - на каймах вышит тропарь А. «Светоносная возсия днесь память твоя». Данной иконографической традиции следовал и мстерский иконописец О. С. Чуриков, написавший в 1890 г. образ Московских святителей Петра, А., Ионы, Филиппа и вел. кн. Владимира (ГИМ), поднесенный кн. В. А. Долгорукову Обществом хоругвеносцев Кремлевских соборов. Существует неск. вариантов данного извода: в росписи Успенского собора Свияжского мон-ря 60-х гг. XVI в.; на покрове 1581 г., вложенном в Чудов мон-рь тверским вел. кн. Симеоном Бекбулатовичем, А. правой рукой придерживает Евангелие, стоящее на левой руке (ГММК); на фреске Дионисия в ц. Рождества Богородицы в Ферапонтовом Белозерском мон-ре, 1502 г., левой рукой А. поддерживает Евангелие, правой, отведенной в сторону, благословляет. Аналогичный жест воспроизведен на иконе 1606 г. из Благовещенского собора Сольвычегодска (ГТГ), созданной в строгановской мастерской. Одно из ранних изображений А. с отведенными в стороны руками (правой он благословляет, в левой - Евангелие на

убрусе) - в среднике житийной иконы А., созданной Дионисием, кон. XV в. (ГТГ). Тот же иконографический вариант встречается в дьяконнике ц. Рождества Богородицы на Возмище под Волоколамском, сер. XVI в., на фреске 1547-1551 гг. на юж. стене алтаря Благовещенского собора Московского Кремля, на иконе А. 1577 г. мастера Давида Сираха (РязХМ), на иконе нач. XVIII в. с Нерукотворным Образом Спасителя на верхнем поле (ГМЗРК).

Первым известным произведением житийной иконографии А. является икона письма Дионисия «Святитель Алексей, митрополит Московский, с 19 клеймами жития» (ГТГ), парная иконе свт. Петра (обе находились в Успенском соборе Московского Кремля). Особенности сюжетов в клеймах соответствуют тексту жития А. редакции Пахомия Логофета 1459 г. Здесь представлены: рождение и обучение грамоте младенца Елевферия (в надписи уже назван А.); пророческий сон А.; уход его в Богоявленский мон-рь и пострижение в монашество; поставление в митрополиты; А. в Орде у Бердибека ходатайствует о мире; встреча А. с прп. Сергием Радонежским; основание Спасо-Андроникова мон-ря и поставление прп. Андроника на игуменство; вторая поездка А. в Орду в 1357 г. для исцеления царицы Тайдулы; беседа с прп. Сергием о судьбе Русской митрополии; А. перед своей гробницей в соборе Чудова мон-ря; преставление святого; обретение его мощей (архитектурные строения в клеймах переданы исторически достоверно). Завершается житийный

цикл изображением чудес от гроба А.: чудо воскресения отрока Димитрия, исцеление слепой Матроны, хромого чернеца Наума (произошло в 1462, уже после появления Пахомиевой редакции жития А.; содержится в «Сказании об исцелевшем хромце», написанном Феодосием, митр. Московским). На житийной иконе А. кон. XVI в. работы строгановских мастеров из Благовещенского собора Сольвычегодска (СИХМ) состав и последовательность клейм аналогичны иконе Дионисия, но к ним добавлено еще одно - исцеление некой жены от недуга у гроба А. Во 2-й пол. XVII в. житийное повествование в иконах изменилось по составу и было расширено. К этому времени относится московская икона А. (ГТГ), в которой только 12 клейм, но 3 из них являются новыми: Крещение А. (с XVII в. изображение этого события становится типичным для рус. житийной иконографии); последняя литургия святителя (подобно тому как изображали последнюю литургию свт. Петра, это событие отмечено в житиях обоих святителей); перед смертью А. благословляет св. блгв. вел. кн. Димитрия Донского и дает крестное целование бывшим с ним. В иконе святителей Московских Петра, А., Ионы нач. XVII в. (ГРМ) - 72 клейма. Появление этого образа связано с важным событием в истории РПЦ - принятием Патриаршества (1589) и установлением праздника 3 святителям. Житию А. посвящены 24 клейма, в т. ч. Крещение А.; уход А. в пустынь, где он провел 40 лет;

поставление во диакона; поставление во священника, исцеление жены от недуга.

В кон. XVII в. появились иконы с изображением А. на архитектурном фоне, в частности на фоне Московского Кремля: напр., икона 90-х гг. XVII в. (ГТГ), написанная царским изографом Г.

Т. Зиновьевым для ц. свт. Алексия на Глинищах в Москве, с прямоличным образом А.; икона нач. XVIII в. (ГМЗК), где святитель обращен в молении к Спасителю, как заступник и покровитель города. Панорама Кремля воспроизводит его исторический облик в кон. XVII - нач. XVIII в. На образе 1909 г. (ГМИР) работы В. М. Васнецова святитель представлен стоящим на орлеце, на фоне пейзажа с храмами, в облаках Спаситель и Богородица.

Ист.: Торжественник. Посл. треть XV в. // РГБ. Егор. Ф. 98. № 950. Л. 204об.- 212; Житие митрополита Алексея, составленное Пахомием Сербом // Там же. Л. 216-221

об.; Феодосий (Бывальцев), митр. Московский. Сказание об исцелевшем хромце: Сб. богослужебный XVI в. РГБ. Троиц. № 645. Л. 44об.- 59об.; ПСРЛ. М.; Л. 1949. Т. 25. С. 277.

Иконогр.: Покровский Н. В. Сийский иконописный подлинник. СПб., 1898. С. 216-218; Борин В. Две иконы новгородской школы св. Петра и Алексия, митрополитов Московских // Светильник. 1914. № 4. С. 23-32; Лазарев В. Н. Дионисий и его школа // История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 482-

541; Антонова, Мнёва. Каталог. Т. 1. С. 336-339; Т. 2. С. 299; Данилова И. Е. Житийные иконы митрополитов Петра и Алексия из Успенского собора в Кремле в связи с русской агиографией // ТОДРА. 1968. Т. 23. С. 199-216; Кусков В. В. Дионисий - «читатель» Жития Алексия // Там же. 1969. Т. 24. С. 175-179; Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971; Филатов С. В. Две иконы Давида Сираха // ПКНО, 1981. Л., 1983. С. 222-229; Толстая Т. В. Местный ряд иконостаса Успенского собора в кон. XV - начале XVI вв. // Успенский собор Московского Кремля: Мат-лы и исслед. / Отв. ред. Э. К. Смирнова. М., 1985. С. 100-122; Попов Г. В. Иконостас Дионисия 1481 г.: Опыт исслед. комплекса по письменным источникам // Там же. С. 123-140; 1000-летие русской художественной культуры: Кат. выст. М., 1988. С. 168, илл. 209; 121, илл. 151; 355-356, 368; Русская Православная Церковь: Очерки истории, X-XIX вв. М., 1988. Вып. 1. Табл.; Русское художественное шитье XIV - начала XVIII века: Кат. выст. / Сост. Н. А. Маясова, И. И. Вишневская. М., 1989. С. 62. Кат. 33; Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. Илл. 50; Искусство строгановских мастеров: Кат. выст. М., 1991. С. 36, 160; Рыбаков А. А. Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII-XVIII веков. М., 1995. № 160, 286; Полякова О. А. Архитектурные фоны на иконах русских святых // Искусство христианского мира. М., 1998. Вып. 2. С. 74-84.

P. A. Седова

